

МОСКОВСКИЕ зрители тепло встретили труппу Шекспировского мемориального театра, начавшую здесь свои гастроли трагедией «Ромео и Джульетта». Между сценой и зрительным залом сразу установился контакт. Публика живо реагировала на спектакль не только потому, что трагедия Шекспира у нас широко известна, но и потому, что значительная часть зрителей знала английский язык и могла следить за тончайшими нюансами актерского исполнения.

Что же поправилось? В первую очередь живость и естественность исполнения. Мы увидели не «академического» Шекспира с приподнятой игрой, подчеркнутостью интонаций, а Шекспира, говорящего со зрителем как современник. Глен Байэм Шоу отнесся к тексту пьесы, как если бы он был присенен ему ныне живущим драматургом. Не внешней помпезностью постановки, а правдой чувств и страстей, правдоподобностью положений стремился он захватить зрителя.

Замысел постановщика направлен против ложной патетики, слезливой сентиментальности и слащавой «красивости», в которые так легко попасть при постановке этой трагедии. Глен Байэм Шоу счастливо избег этих опасностей и создал спектакль, пронизанный мужественной правдивостью. У него герои Шекспира — вполне земные существа, без малейшей тени дурной «театральности».

Полемичность постановки состоит еще и в том, что это не спектакль для демонстрации мастерства актеров «звезд», а опыт создания ансамбля, где герои — лишь первые среди равных. Для нас, привыкших к привычному ансамблю, это само собой разумеется. Но это отнюдь не повседневное явление в Англии, в том числе и в Шекспировском мемориальном театре.

До чего же хорошо, когда Ромео и Джульетта в самом деле молоды, и актерам, исполняющим эти роли, не приходится тратить энергию на доказательство своего права играть молодых! Непоколебимая юношеская свежесть Ричарда Джонсона (Ромео) и Дороти Тьютин (Джульетта) позволяет им сосредоточить свои силы на раскрытии всей гаммы чувств молодых героев. Естественность характеризует их игру от начала до конца. Режиссер не только спил с них ореол величия, он не побоялся, что в какие-то моменты они покажутся нам и вовсе некрасивыми.

Главное внимание режиссер уделил точнейшему психологическому обоснованию поведения не только героев, но и всех остальных персонажей. И вполне уместно было снова увидеть на сцене, принадлежащей МХАТу, правдоподобные чувства в предлагаемых обстоятельствах. Это мы видели у Ромео, Джульетты и почти у всех остальных персонажей.

Свое высшее выражение реалистический стиль спектакля получил в образе кормилицы, мастерски созданном Анджелой Бэддели. Вот уж поистине в ком можно было увидеть

все то, что писали критики о народности этого образа. Бэддели играет не «комическую старуху», как называется на театральном жаргоне данное амблуга. Она создает полнокровный реалистический характер, предельно убедительный в своей жизненности.

И то же хочется сказать об исполнителе роли Меркуцио — Эдуарде Вудворде. Его реалистическое мастерство велико и олепно проявилось в исполнении знаменитого монолога о царнице Маб, являющего с камнем преткновения даже и для хороших актеров. Обычно в этом месте действие застывает, уступая место декламации. У Вудворда монолог наполнен реальным жизненным содержанием благодаря выразительному мимическому раскрытию смысла этой речи.

ВСТРЕЧА С ШЕКСПИРОВСКИМ ТЕАТРОМ

Вообще характерность получила в данной постановке заметный перевес над поэтичностью. Реализм, иногда понимаемый лишь в плане внешнего правдоподобия, привел Глена Байэма Шоу и к некоторым потерям. Так, избегая декламационности, он перевел всю поэзию шекспировского стиха в план повседневной бытовой речи. Для чистой поэзии он побоялся оставить место, допуская ее лишь в сопровождении иллюстративной мимики и жестуляции. Но главная потеря даже не в этом, а в том, что такая трактовка лишила шекспировскую трагедию ее стилевого многообразия. Стиль «Ромео и Джульетты» включает много слоев: он начинается с простонародной прозы слуг и кормилицы, переходит в патетические возмущенные речи враждующих дворян, включает бытовой разговор сеньора Капулетти, светское остроумие Меркуцио, житейскую мудрость монаха Лоренцо, государственную разум герцога Эскала и, наконец, как высшее выражение человечности для чистой и гармонической страсти Ромео и Джульетты. Все это многообразие, кстати сказать, интересно раскрытое новейшей английской шекспировской критикой, в данной постановке оказалось нивелированным. Вся трагедия дана в одном стилевом ключе.

Это глубочайшим образом сказалось на всей идейной концепции трагедии. У Шекспира Ромео и Джульетта — два светоча неискаженной человечности в мире, обуреваемом злобой и враждой. Они возвышаются над ним. В данной постановке этого нет. Они не выше окружающего их мира, а обыкновенные, маленькие, беззащитные существа, ставшие игрушкой в руках обстоятельности. Когда и смотрел на Ромео — Джонсона и Джульетту — Тьютин, мне немало вспомнились два персонажа современной английской пьесы, увиденной нами в 1957 году в дни Всемирного фестиваля молодежи. Я имею в виду «Оглянитесь во гневе» Джона Осборна. Образ героя этой пьесы Джимми Портера, прекрасно очерченный актером Ричардом Паско, помогает понять, почему Ромео у Джонсона так неврастеничен, так же как через образ жены Джимми — Элисон нам открывается, почему так податлива беззащитна Джульетта — Тьютин, тогда как шекспировские персонажи должны, как мне представляется, обладать большей внутренней стойкостью. Джонсон и Тьютин вносят в трактовку образов Ромео и Джульетты психологию, строй чувств, мироощущение современной английской молодежи, той, чей голос так резко и неожиданно зазвучал в литературе «обозленных молодых людей». За это говорит и намеренная дезактуализация образов героев, которые не только лишают красоты, но даже нарочито покачивают в некрасивом ракурсе.

Но больше всего проявляется духовная близость Ромео и Джульетты к настроению литературы «обозленных молодых людей» в финале спектакля. Ромео и Джульетта здесь не герои, почитающие торжество своей любви ценой собственной жизни, а жертвы, копящие собой с отчаяния оттого, что окружающий их злобный мир не дал им возможности счастья. Не оптимистической трагедией оказывается здесь произведение Шекспира, а трагедией отчаяния.

Очень хороши костюмы актеров, но некоторую непоследовательность я вижу и в художественном оформлении спектакля. Декорации талантливого коллектива художников Мотля изящны, экономны, но не вполне соответствуют стилю актерского исполнения. Предельный бытовой и психологический реализм в игре актеров не вяжется с некоторыми условными мотивами оформления.

Зато замечательным достоинством постановки является ее динамичность, достигнутая посредством точно выдержанного ритма отдельных сцен, которые смеяют друг друга с калейдоскопической быстротой.

Первая встреча с нашими гостями оправдала ожидания и дала много интересных художественных впечатлений.

Александр АНИКСТ

Сцена из спектакля Шекспировского мемориального театра «Ромео и Джульетта». Ромео — Ричард Джонсон, Джульетта — Дороти Тьютин. Фото В. ЕГОРОВА